

- Апкаримова Е. Ю. и др.* Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX в. / Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В., Миненко Н. А. и др. М., 2003.
- Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг. М., 1902.
- Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.
- ГАСО. Ф.24* (Уральское горное управление). Оп. 1. Д. 5а, 9, 21б. Оп. 12. Д. 193, 3122.
- Геннин В.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. М. О. Акишин. Екатеринбург, 1995.
- Голикова С. В. и др.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России: Взаимодействия и противоречия, XVIII – первая половина XIX в. / Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. М., 2000.
- Голикова С. В. и др.* Интеграция аграрного окружения в заводское производство: (Урал и Западная Сибирь XVIII – первой половины XIX в.) / Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Екатеринбург, 1995.
- История Урала с древнейших времен до 1861 г.* / Отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1989.
- Корепанов Н. С.* В раннем Екатеринбурге (1723–1781). 3-е изд. Екатеринбург, 2001.
- Павленко Н. И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в.: Промышленная политика и управление. М., 1953.
- Пензин Э. А.* Сибирский обербергапт – орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: История, историография, источниковедение. Свердловск, 1983.
- Побережников И. В.* Урал в XVIII–XIX вв.: Эволюция административно-территориального устройства // Эволюция административного устройства и управления в России: Историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург, 2001.
- Редин Д. А.* Генерал де Геннин – князь Козловский: к истории межведомственного конфликта 1723–1724 гг. // Русские старожилы: Мат-лы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2000.
- Редин Д. А.* Личная канцелярия генерала де Геннина: характер учреждения, штат, сфера компетенции и организация делопроизводства // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 5. Екатеринбург, 2003.
- Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.

А. М. Сафронова

ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ ДУХОВЕНСТВА В ГОРНО-ЗАВОДСКИХ ШКОЛАХ УРАЛА В 20-е гг. XVIII в.: ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ

В первой четверти XVIII в. верховная власть России, задумав подчинить церковь государству, взяла под свой контроль и школьное обучение детей духовенства. Указом Петра I (1708) предписывалось всем поповым и дьяконским детям «учиться в школах греческой и латинских», не желающих обучаться

в них – устранять от посвящения и определения в гражданскую службу. Единственным выходом для них объявлялась воинская повинность [см.: ПСЗ, т. 4, № 2186]. Сам факт провозглашения крутых мер наказания, хотя и остававшихся на бумаге, свидетельствовал, что власти взяли курс на подготовку образованного священства.

В 1710 г. категория лиц, подлежащих определению в греко-латинские школы, была расширена за счет детей пономарей, дьячков, сторожей и просвирников, что объяснялось, видимо, недостаточным притоком детей собственно священнических. Именным указом 1718 г. предписывалось: «Поповских детей, также и из церковников и из других чинов, кто пожелает, учить в школах заранее, чтоб были в попы годные...», и власти решили перейти от мер устрашения к мерам поощряющим: «Ежели поп умрет, то на их места посвящать, которые по учению тому достойны будут». [Там же, № 2308; т. 5, № 3175].

В Регламенте Духовной коллегии, изданном 25 января 1721 г., получили дальнейшее развитие идеи о необходимости обучения детей духовенства. Обосновывалась польза такого обучения, без которого, по выражению автора Феофана Прокоповича, «...нельзя быть доброму церкви поведению», отсутствие его ведет «к смеха достойным суевериям», «раздорам и пребезумным ересям». Учение «доброе и основательное» провозглашалось «аки корень и семя и основание». Епископы обязывались открывать при своих домах школы для обучения «детей священнических или и прочих, в надежду священства определенных» [Там же, т. 6, № 3718].

В ноябре 1721 г. резолюцией Петра I на докладные пункты Синода отменялось действие предшествующих указов об определении поповых и причетнических детей в цифирные школы, а согласно указу от 4 апреля 1722 г. «О записке в ревизию людей духовного звания» обучению в архиерейских школах подлежали лишь дети «действительно служащих церковников», остальные же, чьи отцы оставили церковный притч, должны были записываться в подушный оклад и нести государственное тягло. Указом Синода от 31 мая 1722 г. вводились новые нормы, дополняющие положения Духовного регламента. Определялась программа обучения в архиерейских школах чтению, письму, грамматике, арифметике и «нужнейшей части геометрии» [Там же, т. 6, № 3854, 3932, 4021]. Таким образом, на законодательном уровне были заложены основы сословной школы для детей духовенства России.

Хотя дети духовенства с 1722 г. освобождались от обучения в светских школах, на местах имели место отступления. Так, на Урале в начале 20-х и в середине 30-х гг. XVIII в. дети духовенства не только активно привлекались в горно-заводские школы, они даже обязывались учиться в них. В литературе лишь констатируются эти факты [см., например: Чупин, 1882, 47–98; Нечаев, 1944], поэтому на основе архивных документов попытаемся раскрыть попытку горно-заводских властей по привлечению церковно-служительских детей в школы своего ведомства и использованию их в дальнейшем в интересах своего ведомства. Это был уникальный случай в истории России, он представляет особый интерес и в контексте изучения политики В. Н. Татищева в отношении духовенства. Ограничимся периодом 20-х гг. XVIII в.

Инициатива привлечения детей духовенства в школы горного ведомства принадлежала Берг-коллегии. В сентябре 1720 г. начальник Уральских заводов Татищев в первом же доношении, отправленном в центр по прибытии на Урал, жаловался на недостаток мастеров и просил разрешить ему взять до 30 дворянских детей в Сибирской губернии, не высланных в школы в Петербург, а если их будет недостаточно, то и подьяческих, для обучения горным делам. Дети дворян находились в распоряжении губернских властей, поэтому на привлечение их в школы требовалась санкция центрального органа управления заводами. Берг-коллегия указом от 29 ноября 1720 г., подписанным президентом Я. Брюсом и четырьмя членами, повелела: «...к рудным делам ис тамошних подьяческих детей и из церковников, из молодых людей, грамоте умеющих, велеть брать и цыфири и геометрии и протчих горных дел обучать, а о дворянских детях... в Военную коллегия писать» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 611, л. 184]. Не смея распорядиться судьбой дворянства, Берг-коллегия по собственному почину включила в число обучаемых детей церковничьих, видимо, на том основании, что среди них были грамотные. Законодательных актов, запрещающих обучать детей этого сословия в светских школах, еще не было.

Этот указ Берг-коллегии, пришедший на Урал в мае 1721 г., и послужил основой набора детей церковнослужителей в первые арифметические школы. Татищев решил открыть их в Кунгуре и на Уктусском заводе. В ответ на второе доношение Татищева от 27 мая 1721 г. о готовящемся наборе церковничьих и подьяческих детей для обучения арифметике и геометрии, Берг-коллегия указом от 20 июня приказала принимать таких детей не только из слобод, прилегающих к заводам, «но и ис протчих городов и сел, ежели которые прибудут и волею запишутца» [Там же, д. 621, л. 126]. Так, по инициативе Берг-коллегии был расширен охват территории, с которой разрешалось принимать в школы детей духовного сословия.

Получив первый указ коллегии, Татищев 6 июня 1721 г. начал хлопоты по набору детей в Кунгурскую арифметическую. От имени Высшего горного начальства, расположенного в Уктусском заводе, он отправил письмо воеводе Вятской провинции Чаадаеву с просьбой отдать к смотру кунгурских подьяческих и церковничьих детей. В тот же день было отправлено письмо и представителю горной администрации в Кунгуре берг-шрейберу Ивану Патрушеву с приказом принять детей, как только воевода отдаст распоряжение об этом [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 6, л. 204 об.–205, 187 об.].

Но воевода не спешил решать вопрос, касавшийся школы горного ведомства, так как лишние хлопоты выходили за рамки его непосредственных интересов, и 26 июня Татищеву пришлось отправить ему личное письмо с просьбой прислать указ о сборе детей в Кунгуре. Только 5 сентября Татищев получил известие с Вятки, что такой указ отправлен. На следующий же день он потребовал, чтобы комиссар Кунгурского уезда Григорий Попов собрал детей и передал Патрушеву по росписи, а копию росписи прислал на Уктус [см.: Там же, л. 242 об.; д. 5, л. 106; д. 6, л. 269–269 об.].

16 сентября Татищев отправил шихтмейстера Дмитрия Одинцова – дворянина из Казани, одного из выпускников московской Артиллерийской школы,

прибывших на Урал вместе с начальником заводов в 1720 г., – в Кунгур. Одинцов повез с собой указ, адресованный Патрушеву, которому предписывалось надзирать за школой, открыть ее на съезде двора, пока не будет построено специальное здание, приготовить черные деревянные доски для учеников, поскольку каменных достать невозможно, чинить поврежденное в школе на казенные деньги. Одинцов назначался учителем и одновременно должен был по пятницам ездить на рудник для осмотра горных работ, поручая школу одному из учеников [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 15, л. 346–346 об.]. В этот же день Татищев написал для Одинцова инструкцию, как ему обучать учеников. Все эти действия Татищева свидетельствуют о его большой настойчивости и заинтересованности в скором открытии школы.

Судя по дневальной книге Кунгурской канцелярии горных дел, только 13 октября, после дополнительных напоминаний, уездные власти прислали на смотр церковничьих детей, о подьяческих пришлось просить особо [см.: Там же, л. 214–214 об.].

В январе 1722 г. Татищев около двух недель пробыл по делам в Кунгуре и, естественно, не мог не поинтересоваться, как идут дела в арифметической школе. Первая ведомость, поданная ему Одинцовым [см.: Там же, оп. 12, д. 32, л. 432–434 об.], содержит интересную информацию о составе учеников: их возрасте, месте жительства, должностях отцов, успехах в науках. Благодаря тому, что она дана под такими рубриками, как «по росписи», «да сверх росписи охотою», «сверх росписи явились и отпущены в дома ж свои», мы получаем ценные сведения о том, что наряду с детьми, собранными в школу властями, нашлись и желающие учиться по собственной инициативе, точнее, по воле отцов, однако не все явившиеся и собранные оказались годными к постижению математики, среди них оказались не умеющие читать или писать, и ведомость дает нам возможность судить об уровне грамотности детей духовного сословия, проживавших на территории Кунгурского уезда, на начало 20-х гг. XVIII в., до провозглашения обязательности обучения детей духовенства в архиерейских школах и накануне введения практики записывания не обученных грамоте детей духовного сословия в ходе ревизии в податное крестьянское сословие.

Проанализируем информацию ведомости. На смотр явилось 38 человек, 28 из них были посланы комиссаром согласно «росписи», т. е. 7 человек из Кунгура, 21 – из сел и острожков уезда, 9 человек явились из уезда «сверх росписи», трое из города «охотою», т. е. по желанию отцов (сыновья урядника и двух посадских). Наиболее подготовленными к изучению математики оказались городские подростки, которые дома овладели чтением и письмом, а некоторые из них, вероятно, на дому начали обучаться и счету. В январе 1722 г. учили «нумерацию», т. е. числа, сын подьячего 13-летний С. Кадешников, двое детей попа в возрасте 10 и 12 лет, явившиеся «своею охотою» сын урядника Я. Шмаков и посадского А. Кадешников (по 10 лет). Четверо учили «мультипликацию», т. е. умножение: сын комиссара Д. Попов, подьячего – Л. Костромин, посадского – А. Феденев (все 10-летние), попа – Л. Евсягнеев (12 лет), поповский сын М. Трофимов (10 лет) ушел дальше всех – постигал «дивизию», т. е. деление.

Из 19 явившихся «по росписи» из уезда были зачислены в школу только пятеро, причем лишь один из них, 12-летний сын дьячка А. Иванов, выучился на дому читать и писать и учил нумерацию. Сын пономаря и трое детей попов (10–12 лет) в январе 1722 г. учились писать. Видимо, их решили зачислить в школу, чтобы в ее стенах быстрее научить грамоте и перейти к математике. Полностью подготовленных к обучению насчитывалось всего 11 человек! По этой же причине был принят в школу и явившийся «сверх росписи» из села Златоустовского 17-летний сын попа М. Васильев.

Итак, в январе 1722 г. в Кунгурской школе обучалось 16 подростков, в то время как были признаны негодными и отпущены по домам 22. Все отпущенные были из сел и острожков Кунгурского уезда: это дети попов (9), дьяконов (3), дьячков (5), пономарей (2), церковных сторожей (2), просвирника.

Сопоставим число грамотных и неграмотных среди явившихся на первый смотр осенью 1721 г. На пятерых полностью овладевших грамотой (четыре детей попов из Кунгура и одного сына дьячка из уезда) приходилось пятеро учившихся писать (дети попов от 10 до 17 лет). Из отпущенных по домам 22 подростков один выучился читать, но не писал (18 лет); трое учили псалтирь (дети попов 12 и 14 лет, дьячка 12 лет); трое учили часослов (сын попа 10 лет, дьякона – 11 лет и сын дьякона же, женатый юноша, которому исполнился 21 год, ошибочно показанный в росписи 15-летним). Таким образом, на 17 подростков, в той или иной мере владевших чтением, приходилось 15 полностью безграмотных. Среди последних – дети от 10–11 лет (8 человек) до 17–18 лет. Только в отношении единственного сына попа 10 лет отмечалось: «грамоте не учен: глазами худ». Эти данные – красноречивое свидетельство того, что духовенство и церковнослужители Кунгурского уезда до 1721–1722 гг., до объявления верховной властью на законодательном уровне обучения детей духовного сословия обязательным, не придавали большого значения раннему обучению детей чтению и письму, а 47 % явившихся на смотр в первой партии оказались совсем необученными грамоте. Восемь детей попов и дьячков на смотр не явились.

Узнав, что учатся не все дети, указанные в росписи, Татищев предписал срочно собрать их в школу, т. е. довел до конца то, на что махнуло рукой Кунгурское горное начальство [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 32, л. 434 об.]. Указ Татищева об этом 22 января был послан шихтмейстеру Одинцову – учителю школы. В этот же день Татищев отбыл по делам в Москву.

Во время пребывания в Москве в апреле 1722 г. Татищев был отстранен от руководства заводами из-за жалобы на него Н. Демидова, вернулся на Урал только в октябре 1722 г. вместе с генералом В. И. Генниным, которому было поручено расследовать ссору и временно руководить заводами.

Пока Татищев находился в Москве, член Сибирского высшего горного начальства И. Блиер решил проверить, выполнено ли приказание Татищева, и затребовал ведомость, «что прибыло в школу учеников, а которые есть, кто что учит» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 620, л. 219]. Согласно данной ведомости, в марте 1722 г. в школе числился уже 21 человек, т. е. поступило пятеро новеньких. Некоторые подростки первого набора, ранее записанные по имени отцов,

шли уже под другими фамилиями: Михаил Трофимов стал Мироновым, братья Петр и Иван Евтихеевы – Веселковыми. Новички были выделены под рубрикой «достальных собрано». Сын дьячка Ильинского острожка Ефим Казаков учил «суптрацкию», сын пономаря села Тихоновского Осип Хлопин – «счисление», дьячковский сын из того же села Иван Батрунов учился писать; писали сыновья попа и дьячка из сел Филипповского и Рождественского Григорий Герасимов (в будущем Черепанов) и Петр Красноперов. Возраст вновь принятых в этой ведомости не указывался; в ведомости же, поданной ровно через год, такие данные уже имеются. Если убавить каждому по году, то получим, что в момент зачисления в школу Красноперову было 12 лет, Казакову – 17, троим остальным – по 18 лет, причем двое 18-летних еще не закончили обучение письму.

Данные об учениках второго набора также свидетельствуют, что сельские попы, дьяконы, дьячки не спешили обучать своих детей чтению и письму с раннего возраста, этот процесс растягивался во времени, зачисление же детей в арифметическую школу горного ведомства ускоряло завершение обучения письму.

Следующая по времени ведомость датируется мартом 1723 г. Она была подана учителем главе Кунгурской горной канцелярии капитану Берглину [см. об этом: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 26, л. 114–115 об.]. В школе по-прежнему числился 21 ученик, но состав их изменился. В школьном списке – уже 8 новеньких: Антон Пестерев, сын дьячка (19 лет), и Федор Розмахнин, сын пономаря (18 лет), – уже «в тройных» правилах; сыновья попов: Семен Романов (19 лет) – «в сложении с рублями»; Афанасий Свиньин (18 лет) – «в раздроблении». Они начали учиться математике дома, так как слишком далеко продвинулись в науках. Иван Бочкарев и Федор Деманов, сыновья попов, 13 и 16 лет соответственно, только приступили к математике; 14-летний сын дьячка Осип Стахийев писал слова, и последним в списке числился «волею господ Строгановых поповской сын Парфен, 13 лет»; дополнительная информация о нем скудная: известно только, что отец у него служил при церкви.

Можно предположить, что новички были привлечены в школу в октябре – ноябре 1722 г., когда Татищев с де Генниным прибыли из Москвы и почти два месяца осматривали рудные месторождения – искали место для строительства медеплавильных заводов в Кунгурском и Соликамском уездах. Обратим внимание, что все они церковничьи дети. Думается, не без участия Татищева попал в кунгурскую казенную школу и «поповской сын Парфен»: наверняка, Татищев имел встречу со Строгановыми или с отцом этого Парфена и убедил отдать подростка учиться математике, так как ни одной другой казенной школы в уезде не существовало.

Согласно ведомостям, в школу не только прибывали новички, но и выбывали пришедшие в ходе первого и второго набора. Сначала ушел сын бывшего подьячего Лев Костромин: в январе 1721 г. он был «приобщен в посад», т. е. записан в подушные книги в ходе первой ревизии [см.: РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 620, л. 210]. В ведомости за март 1723 г. уже отсутствовали имена и фамилии всех пяти детей, зачисленных в школу «по росписи» из сел Кунгурского уезда

в результате первого набора (сыновья трех попов, дьячка и пономаря). Поскольку четверо из них поначалу учились писать, можно было бы предположить, что их отчислили как не подающих надежд к обучению математике, но в ведомости за март 1722 г. трое уже учили математику, причем двое дошли до умножения, т. е. обучались довольно быстро. Двое же и в 1723 г. числились в «письме» и в отпуске по болезни, из-за чего, видимо, в школу они и не вернулись. Покинули школу и учившиеся по желанию отцов сын урядника Я. Шмаков и сын посадского А. Феденев: в марте 1722 г. они практиковались в умножении и делении, и, по-видимому, их отцы, решив, что полученного объема знаний вполне достаточно для жизни, забрали детей.

В 1723 г. учащиеся школы уже начали распределяться к делам. В марте Берглин по требованию де Геннина отправил на Екатеринбургский завод двух учеников из церковничьих детей, «которые старее и в науке больше», – Антона Пестерева и Ефима Казакова [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 22, л. 354]. Часть учеников использовалась временно у дел, продолжая числиться в списках школьников. Так, приходно-расходные ведомости денежной казны Егошихинского завода за 1723 г. фиксируют выплату денег с мая 1723 г. бывшим «у переклички работных людей» О. Хлопину – по октябрь, Л. Попову – по декабрь; в мае – декабре 1723 г. выплачивались деньги С. Романову, И. Батрунову; на Мулинском руднике числился школьник у записок с июня по октябрь [см.: Там же, д. 28, л. 81 об. – 82, 511].

В ведомостях за 1724 г. Л. Попов упомянут «за пищиков в канцелярии у письма» (т. е. писал документы в Кунгурской горных дел канцелярии) с января по сентябрь, как и О. Хлопин. В конце 1724 г. Хлопин был направлен в плавилиню Егошихинского завода как писчик, И. Батрунов и С. Романов трудились там уже восемь месяцев. Один из школьников в течение трех месяцев вел записи при добыче руды для плавильных печей Пыскорского завода [см.: Там же, л. 90, 93, 245].

Берглин был обеспокоен, что в школе «малолюдство»: когда ученики, набранные в школу, к делам распределяются, то «здесь учении не будет, понеже из своей воли во учение никто не пришел». Берглин предложил взять в школу детей посадских жителей Кунгура и попросил у Геннина разрешения на это [см.: Там же, д. 22, л. 354 об.]. Но дети посадских людей не могли заинтересовать горное начальство: они находились в ведении воеводы, платили подушную подать, поэтому горные власти не могли распределять их к заводским делам.

В июне 1723 г. Татищев, еще находясь под следствием, был отправлен В. И. Генниным в Кунгур и на Егошиху «для строения завода», а также в Соль-Камскую «для строения новых плавилен и до Верхотурья». В этой поездке он пробыл до 4 октября [Там же, оп. 12, д. 1636а, л. 21 об.]. Как и во время поездки 1722 г., Татищев особое внимание уделил арифметической школе и попытался пополнить ее знающими грамоту церковничьими детьми.

В делах ГАСО нами были обнаружены и опубликованы тексты двух писем Татищева, направленных архиереем Вятскому и Великопермскому Алексию и кунгурскому протопопу Иоанну Антониеву. Как сообщал Татищев архиерею, сначала он «...посылал к протопопу и учрежденному инквизитору салдата,

словесно требовал от них как их детей, так и протчих, которые к службе церковной не определены, дабы явили их к смотру для определения малолетних в школы, а возрастных к делам, пристойным во услугу е. в., понеже здесь во многих е.в. нужных делах за недостатком письмо умеющих великия непорядки и в делах бесполезныя медления происходят. Но получил от них отказ» [Василий Никитич Татищев, 1990, 68].

Тогда Татищев 18 июня 1723 г. отправил полное возмущения письмо протопопу, в котором обвинил его в непослушании указу Берг-коллегии 1721 г. и распоряжению вятского воеводы об отдаче детей духовного ведомства в кунгурскую школу: «Ты же и другие некоторые церковники, яко обыкли не токмо указам коллегии, но и святейшаго правительствующаго Синода преслушаться, детей своих не отдали и ныне посланным не отдаете и отказываете с нечестием». Татищев потребовал от протопопа «сего дня» прислать детей, угрожая, что в противном случае донесет о его недостойном поведении начальнику заводов де Геннину, а тот – царю. Татищев был уверен в правильности своих действий, он обращается к протопопу как к лицу, подчиненному горному начальству: «И о сем извольте мне сего числа ответить письменно» [см.: Там же, 1990, 66–67].

Текст письма убедительно свидетельствует, что Татищев и в 1723 г., после выхода законодательных актов об обучении детей церковнослужителей в школах духовного ведомства, продолжал рассматривать более ранний указ Берг-коллегии как действующий. Более того, и Духовный регламент он трактовал как доказательство своей правоты, считая, что дети духовенства должны учиться: «А ежели вы мните, что без указа от Синода учинить не смеете, и в том вас ясно обличает Духовный устав о учинении училищ, подписанный Синодом и выше. Однако ж, хотя б того и не было, но ты, где хочешь не токмо неповеленное, но и весьма от Синода запрещенное делаете без опасения, исполняя свою корысть» [Там же].

В записной книге входящих и исходящих дел Исетских заводов (будущего Екатеринбургского завода) за 8 июля 1723 г. зарегистрирована копия письма Татищева протопопу, «при том же от протопопа с ведении копия» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 1636а, л. 38 об.], т. е. протопоп ответил Татищеву, а Татищев уведомил об этом начальника заводов Геннина — отправил ему копии своего письма и ответа протопопа. В. И. Геннин занял правильную позицию, посоветовав Татищеву жаловаться архиерею.

Перед отъездом из Кунгура 29 сентября 1723 г. Татищев отправил письмо епископу Вятскому и Великопермскому [см. об этом: Василий Никитич Татищев..., 67–69]. Накануне он узнал от Геннина, что следствие закончено, он оправдан и допущен Петром I к делам [см.: Геннин, 1995, 113]. Изменение положения Татищева сказалось на содержании письма: оно написано в довольно резких тонах и полно сарказма. Татищев жаловался на кунгурского инквизитора И. Веселкова, который, вопреки повелению Синода, не уничтожил старообрядческую часовню в городе, «верх сломал, однако ж иконы не вынесены, и по вся недели ходил сам во оную для сребролюбия своего молебствовать...». Из письма становится ясно, как мотивировал кунгурский протопоп

неотдачу части детей в горно-заводскую школу: «ответ, которой и малым рабятam в смех, будто они имели в 1720-м году вашего преосв[ященства] указ о высылке детей их на Вятку, и оные за распутием не послали, а ныне посылают. И по тому видно: явная отговорка и нехотение – будто в три года не имели они доброго пути к езде!».

Заметим, Татищев возмущался нежеланием духовенства учить детей не только в горно-заводских, но и в духовных школах и уже не требовал отдачи детей именно в кунгурскую школу: «...доношу, дабы вы соблаговолили к пресечению таких противностей свой труд приложить, а об отдаче церковных служителей детей их в школу прислать к кому надлежит указ, понеже о сочинении школ правительствующий Синод, веледушно прилежа, указами во все епархии и для изъяснения от оных подлежащих польз печатными книгами объявили, которое вашему преосв[ященству] не без известно».

По сути, Татищев указывал духовному чину на то, что его предписания, как и предписания самого Синода, в Кунгурском уезде не исполняются, и поскольку сам епископ подтвердительных указов на места об обучении детей после 1720 г., видимо, не рассылал, то Татищев ему невольно о выполнении долга напомнил. Не получилось у него с привлечением детей церковничьих в кунгурскую школу, так пусть епископ побеспокоится и заберет их в школу архиерейскую на Вятку – так, на наш взгляд, рассуждал Татищев.

Заметим, новый начальник заводов В. И. Геннин, в отличие от Татищева, во время поездки на Егошихинский завод и в Кунгур в ноябре–декабре 1723 г. не интересовался деятельностью кунгурской школы: ни одной записи об этом нет в его дневальной книге, лишь указ о смене учителя в связи с производственной необходимостью [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 19, л. 100–107].

По-видимому, глава Вятской епархии на письмо Татищева отреагировал: 10 ноября 1723 г. в книге входящих и исходящих дел Исетских заводов записано: «Доношение с Кунгура от протопопа Иоанна Антониева, чтоб из школы кунгурской поповских и церковных причетниковых детей, которые обучаются в школе, прислать на Кунгур в святительской двор для отсылки в Хлынов в архиерейской приказ» [Там же, оп. 12, д. 1636а, л. 132 об.]. Письмо Татищева сработало: духовные власти решили забрать в архиерейскую школу не только остававшихся вне учения детей из домов их отцов, но и обучавшихся в горно-заводской школе. Они начали борьбу за возврат детей из духовного сословия под свое крыло, тем более что и действующее законодательство было на их стороне.

Но горное ведомство не собиралось расставаться с обученными за счет уральских заводов церковно-служительскими детьми. На доношении протопопа де Геннин сделал помету: «по сему доношению писать в Берг-коллегию и послать копию, повелят ли их [детей] отдать, а в Кунгур капитану Татищеву взять с собою ведомость». Татищев, уезжая в столицу, должен был задержаться по делам в Кунгуре, проконтролировать ход строительства Егошихинского завода, ему, видимо, поручалось также сверить с ведомостью наличный состав учеников, продолжавших обучаться в кунгурской школе. Поскольку с Татищевым отправлялась в Берг-коллегию и копия с доношения протопопа, ясно, что решение вопроса об обучаемых в кунгурской школе церковничьих детях

отдавалось на усмотрение центрального органа управления горно-заводской промышленностью.

В Берг-коллегии хорошо понимали, что права духовного ведомства на своих людей закреплены рядом законодательных норм и им нельзя противоречить. Вероятно, поэтому при рассмотрении доношения Геннина от 18 ноября 1723 г., состоящего из ряда пунктов, по вопросу об обучении церковничьих детей в горно-заводских школах члены коллегии никакого решения не приняли [см.: РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 751, л. 182]. Правда, в ноябре 1726 г. в обер-бергамте заслушивался указ Берг-коллегии, разрешавший принимать к горным делам для обучения «охотою» вольных людей из дворцовых крестьян, купечества и церковничьих детей [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 194, л. 402 об.].

В феврале 1724 г., рассматривая штаты уральских заводов, Берг-коллегия предложила слить кунгурскую школу с Екатеринбургской арифметической, установить общее число учащихся на жалованье в школах до 100 человек [см.: РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 758, л. 17 об., 21 об.]. В июне 1725 г. это предписание коллегии о слиянии школ было претворено в жизнь. Согласно присланному доношению капитана Берглина и реестру учеников кунгурской школы, в ней числилось 14 человек, причем пятеро новеньких, в списках 1723 г. не фигурировавших, социальное происхождение которых осталось неизвестным [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 52, л. 448–449 об.]. Можно лишь предположить, что они попали в школу в результате усилий Татищева в ноябре 1723 г.

С учителем шихтмейстером Одинцовым прибыло в Екатеринбург только четверо: сын комиссара Д. Попов, сын пономаря Г. Токарев и двое новеньких И. Соколов и И. Богомолов. Сын попа М. Мизинов находился «у письма» на Егошихинском заводе, и его разрешили оставить там, если он окончит курс наук, если нет – прислать в Екатеринбургскую школу. Его прислали после составления рапортов и счетов «прошлых лет» [Там же, оп. 12, д. 193, л. 58]. Трое (сын подьячего Кадешникова и двое новеньких) были оставлены до вызова начальства, пятеро (дети попов, пономаря и новенький) числились больными.

В августе 1725 г. явилось трое болевших, младший сын попа П. Веселков, пономаря – Ф. Розмахнин и новенький – И. Яковлев. Сын попа И. Бочкарев прибыл по выздоровлении лишь в октябре 1725 г. Обер-бергамт потребовал прислать еще двух детей попов – беглого Ф. Демакова и болевшего И. Веселкова [см.: Там же, ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 140, 169; ф. 24, оп. 1, д. 52, л. 453]. Таким образом, можно считать, что горно-заводские власти и в середине 20-х гг. XVIII в. не отказались от использования детей духовенства, прошедших курс обучения в горно-заводских школах, в интересах своего ведомства, продолжали учить их в Екатеринбургской школе.

Дети духовенства с 1721 г. по инициативе Татищева начали привлекаться наряду с детьми мастеровых и в первые словесные школы, открытые при Уктусском и Алапаевском заводах, в Уктусскую арифметическую. Это была территория, непосредственно подведомственная горному начальству со всем ее населением. Служителей культа в церквях заводских поселков, в селениях приписных к заводам слобод Татищев рассматривал как составную часть горноза-

водского населения и считал возможным использовать их в интересах своего ведомства, в том числе привлекать для обучения в горно-заводские школы.

На протяжении 1721 г. Татищев вынес ряд предписаний, касавшихся как сбора церковничьих детей в школы вместе с детьми подъячих и мастеровых, так и обучения детей в школах на дьячков. Поскольку Генеральным регламентом предписывалось все дела в учреждениях вести коллегиально, большинство решений Татищев выносил вместе с членом начальства И. Блиером, но, безусловно, инициатором их был он сам. В июне 1721 г. во время посещения Алапаевского завода был вынесен приговор: «Алапаевских заводов и приписанных слободах церковничьих, подъяческих, детей боярских и мастеров детей их велите обучать читать и писать дьячком церковным, которым за труд на заводе давать по наказу, а в слободах впредь определено будет. Ежели же оныя дьячки или отцы детей своих обучать не похотят, то оные взяты будут на Уктусские заводы для обучения, а преслушники наказаны будут» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 618; ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 5, л. 91].

Во время поездки на Алапаевский завод Татищев лично послал указ в Мурзинскую слободу о высылке детей подъяческих, церковничьих, пищиков, детей боярских от 5 до 15 лет на смотр на Алапаевский завод [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 4а, л. 256 об.]. Видимо, он сам просматривал росписи детей Алапаевского завода, а также Арамашевской, Мурзинской, Уткинской, Невьянской слобод.

Татищев не преминул обратить внимание светских властей на попытки духовенства уклониться от отдачи своих детей для обучения. В июне 1721 г. под впечатлением от своей поездки Татищев пожаловался сибирскому губернатору Алексею Черкасскому: невянский поп, узнав о сборе детей церковничьих и подъяческих для обучения грамоте и арифметике, сына пономаря, уже назначенного в солдаты, но за малолетством оставленного, который едва часослов читал, женил на своей дочери и поставил в дьяконы без известия прихожан. Так же поступил и поп на Алапаевском заводе, 16-летнего сына женил и в дьяконы поставил, «где диякона не бывало и за малостию прихода быть не у чего». Не имея прав вмешиваться в решения епархиальных властей о поставлении в дьяконы, Татищев попытался вовлечь в противодействие таким решениям губернские власти: «И хотя сие архиере[й]ское посвящение как по правам духовным, так и по уложению опровергается, однако ж я ничего в этом делать не имею, но прошу вашего на то указа, что об оных повелите» [Там же, д. 6, л. 231–231 об.].

В январе 1722 г., уезжая по делам в Москву, Татищев предписал в наказе комиссару Т. Бурцеву собрать знающих грамоту детей с Алапаевского завода в Уктусскую арифметическую школу: «которые робята подъяческие, дворянские и церковничьи писать умеют, тех взять суда для обучения арифметику, однако ж из одного дому по два не брать»; назначить им сиротское жалованье, «понеже родителем их прокормить за дальностию не способно» [Там же, д. 4а, л. 177 об.].

К сожалению, ведомости об успехах учащихся первых заводских школ составлялись редко, сохранились не полностью, лишь в единичных случаях в них указаны должности отцов, не отмечен возраст учащихся, поэтому мы не имеем

точных данных о числе церковничьих детей в заводских школах. Неизвестно также, сколько их обучалось в словесной школе Алапаевского завода и в приписных слободах, в частности в Невьянской. В Уктусской словесной школе в марте 1722 г. учился лишь единственный сын попа – Василий Бирюков, который был одним из лучших по успехам: вместе с двумя детьми мастеровых читал псалтирь, в то время как 23 ученика читали часослов, а двое – азбуку [ГАСО, ф. 29, оп. 1, д. 4, л. 86 об.]. В мае 1723 г. среди 36 учащихся Уктусской словесной школы числилось уже пятеро детей духовного сословия (около 14 %): в письме – «церковничьи дети» Иван Широков, Семен Кобелев, Василий Селиванов; «поповский сын» Василий Бирюков; «в часословах» – поповский сын Егор Кобелев [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 20, л. 3–3 об.]. Благодаря подаче прошения о назначении жалованья (май 1723) мы узнаем, что четверо церковничьих детей были взяты в школу в марте 1723 г. – И. Широков из Колчеданского острога, находившегося в 120 верстах от Уктусского завода; трое – из Багарякской слободы за 133 версты [см.: Там же, д. 22, л. 643]. Показательно, что они уже начали учиться чтению на дому. В декабре 1723 г. И. Широков – в арифметической школе, среди 16 других просителей о денежном жалованье [см.: ГАСО, д. 26, л. 71]. В ведомости словесной школы за март 1724 г. из церковничьих числился лишь Бирюков, а С. и Е. Кобелевы показаны в бегах [Там же, ф. 29, оп. 1, д. 7, л. 181 об.].

Нам известна лишь одна ведомость Уктусской арифметической школы за апрель 1722 г., но должности отцов учеников в ней не указаны [см.: Там же, ф. 24, оп. 1, д. 20, л. 12–12 об.]. Можно лишь утверждать, что в арифметическую школу был взят сын дьячка, учителя Уктусской словесной школы, Ларион Грамотчиков, числившийся вторым по успехам: он учил «тройное правило в обратительных». Сын пономаря Бруснятского села Арамильского дистрикта Кондратий Грамотчиков ни в одном из известных нам списков не упоминался, но, судя по справке 1731 г., был взят в Уктусскую словесную школу в 1721 г., в январе 1723 г. о его успехах в науке давал сведения по запросу начальства учитель арифметической школы. В заводских штатах 1726 г. упоминаются фамилии еще двух бывших учеников как «церковничьих детей» – Семена Попова и Леонтия Кузовникова, в документе 1731 г. – поповский сын Иван Кулемин [см.: Там же, оп. 12, д. 1636а, л. 4; д. 10, л. 98; оп. 1, д. 220, л. 390].

С 1723 г., после передачи Каменского завода из ведения сибирского губернатора заводским властям, детей церковнослужителей стали забирать и из слобод, приписанных к этому заводу. Видимо, передача Каменского завода и послужила поводом для проведения нового сбора грамотных детей с территории всех трех заводов и приписных к ним слобод в Уктусскую арифметическую школу. 8 февраля 1723 г. был прислан указ из Тобольска о передаче завода горному ведомству [см.: Там же, д. 26, л. 19 об.], а уже 19 февраля В. И. Геннин предписал сержанту Украинцеву ехать на Уктусский и другие заводы «и со оных заводов и из слобод выслать всех подьяческих и церковничьих детей в Уктуские заводы, которые выше 12 лет и грамоте умеющие» [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 47, л. 202 об.]. Не прошло и десяти дней, как с Каменского завода были взяты учиться арифметике на Уктус двое детей отставного дьячка местной

церкви Якова Попова. Об этом мы узнаем из его прошения: перебравшись с Каменского завода вслед за детьми, он в начале 1724 г. просил определить его учителем в Уктусскую словесную школу [см.: ГАСО, ф. 29, оп. 1, д. 7, л. 97]. Сбор был широким: в мае 1723 г. 13 учеников, взятых с Алапаевского и Каменского заводов и близлежащих слобод, просили о назначении им казенного жалованья [см.: Там же, ф. 24, оп. 1, д. 22, л. 643]. К сожалению, должности отцов при этом указаны не были, но церковничьи дети среди них были. Из Бруснянского погоста Арамильской слободы был взят Иван Бирюков (возможно, брат Василия, числившегося в словесной школе сыном попа). Примечательно, что Иван уже учил действия с дробями. На принадлежность Трифона Попова к церковничьим детям указывает заводская табель 1726 г. [см.: Там же, оп. 12, д. 1636а, л. 4; д. 10, л. 98; оп. 1, д. 220, л. 390]. Среди учеников арифметической школы, также просителей жалованья, – Семен Попов, Леонтий Кузовников, Иван Кулемин.

В октябре 1723 г. Татищев, допущенный в связи с оправданием его следствием к полному управлению заводскими делами, составил новый наказ заводскому комиссару Ф. Неклюдову. В ведении последнего находилось уже четыре казенных завода: наряду с Уктусским и Алапаевским также Каменский и строящийся Екатеринбургский. Согласно наказу, на всех четырех казенных заводах должны были действовать словесные школы, в Екатеринбурге – арифметическая. Состав учащихся сохранялся прежним: «На всех заводах собрать детей церковных и приказных служителей, мастерских, подмастерских и всех заводских жителей, и оных обучать читать, писать, арифметики, геометрии и чертежей...» [Василий Никитич Татищев..., 87]. Заметим, детей церковнослужителей Татищев поставил первыми в перечне будущих учащихся.

В 1724 г. во исполнение этого наказа комиссар Ф. Неклюдов разослал на Уктусский, Алапаевский и Каменский заводы указы о проведении переписи детей на заводах и в дистриктах, т. е. приписных к ним слободах, дети церковнослужителей продолжали фигурировать среди подлежащих обучению. С Уктусского завода был взят в словесную школу один из церковничьих детей – сын дьячка Грамотчикова, бывшего учителя, Ульян [см.: ГАСО, ф. 29, оп. 1, д. 7, л. 516; д. 6, л. 686 об.].

Однако, как свидетельствует изучение описей входящих и исходящих дел Сибирского обер-бергамта, духовные власти Сибирской епархии начали войну с горным ведомством за церковничьих детей. В одной из описей 1724 г. числится «Промемория из архиерейского приказу о учении[и] церковничьих детей во архиерейских школах». В 1725 г. зарегистрирована промемория из того же приказа об обучении в Тобольской школе церковничьих детей [см.: Там же, ф. 24, оп. 1, д. 148, л. 396 об., 447].

В июле 1724 г. в Сибирский обер-бергамт поступила промемория из Тобольского архиерейского приказа с жалобой на действия местных заводских властей [см.: Там же, д. 47, л. 200–201]. В ней сообщалось, что митрополиту Тобольскому и Сибирскому Антонию жаловались священник Троицкой церкви Катайского острога Н. Осипов с причетниками и дьячек Ильинской церкви А. Иванов: присылаются-де от командиров Каменского завода драгуны

с памятью (без подписи) и забирают их в заводскую контору писать всякие дела помесячно под караулом, с неумеющих писать скорописью берут «за письмо подьячим» по 8 гривен на месяц, «и тем чинят немалое разорение, а в церковном служении остановку».

Просители жаловались: «детей де их малолетних и к школьному учению негодных берут в школы, не объявляя им в том архиерейских послушных указов», а по каким указам то делается, неизвестно. Митрополит навел справки. Указом Синода митрополиту (декабрь 1723) сообщалось, что по именному указу поповских и причетнических детей, не положенных в подушный оклад, предписывалось «неволею взять в школы». Синод во исполнение этого указа приговорил: церковничьих детей от 7 до 18 лет переписать во всех епархиях архиереям и определить в школы. Четыре таких указа было прислано митрополиту в 1723 г. с приложением букварей и грамматик. Таким образом, высший орган управления церковью приступил к практическому претворению в жизнь законодательных норм об обучении молодого поколения как надежды будущего священства. Перепись детей в епархии была проведена, в Тобольскую архиерейскую школу поступило «значительное число» детей, троих из них послали в Новгородскую школу для обучения грамматике, чтобы потом они обучали детей в Тобольске. Архиерейский приказ разослал и подтверждающие указы на места о сборе оставшихся церковничьих детей в тобольскую школу.

В связи с этим митрополит приказал следующее: запросить Сибирский обер-бергамт, имеются ли там Е. и. в. указы об обучении церковничьих детей в тамошних школах, использовании причетников для письма и взимании с них 8-гривенного сбора; если такие указы есть, то прислать с них копии, а если нет, то таких обид причту церковному он чинить отныне не позволит, деньги требует возвратить «и от обидящих по изследствию оборонить».

Только в сентябре 1724 г. в Сибирском обер-бергамте заслушали эту промеморию, потребовали ответа у управляющего Каменской заводской конторы И. Аврамова, почему он так поступал? Аврамов сослался на ордер начальника заводов В. И. Геннина, предписавшего требовать работников в земской конторе, а не в заводской, а для записи работников брать «из дьячковых» одного человека, как было в 1723 г., а о тех, что силой брались или платили по 8 гривен, известий нет и от дьячков челобитий не было. Сообщалось, что перепись детей на Каменском заводе и в дистрикте была проведена в соответствии с инструкцией заводскому комиссару Ф. Неклюдову: переписывали всех детей от 7 до 15 лет, кроме крестьян и бобылей в марте 1724 г., но разбора переписи еще не было из-за отсутствия книг для обучения [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 47, л. 207 об.–208].

В обер-бергамте были сделаны выписки из распоряжений горного ведомства, касавшихся обучения церковничьих детей, начиная с указа Берг-коллегии 1721 г. Цитировались именные указы от 29 апреля 1722 г. и 11 января 1724 г. начальнику заводов де Геннину, разрешавшие ему требовать людей к строению и управлению заводов от сибирского губернатора. Уктусскому попу А. Савину предписывалось сделать выписки из указов Синода об обучении детей духовенства.

В конечном счете в архиерейский приказ вынуждены были отписать, что указа о том, чтобы брать в школы малолетних детей церковнослужителей, а также о 8 гривнах за письмо подьячим в обер-бергамте нет.

Заводские власти с 1724 г. перестали требовать церковничьих детей в две единственные школы, оставшиеся при Екатеринбургском заводе, — словесную и арифметическую. Но они продолжали противиться самовольной отлучке детей духовенства от школ и от дел. В описях входящих и исходящих документов Сибирского обер-бергамта за 1724 г. зафиксированы указы гренадеру о сыске ученика Уктусской арифметической школы Семена Попова и канониру — «о запечатывании двора и пожитков в Багорядской слободе у попа Федора»; поручная о попе, чтоб искать ему сына Семена; промемория в Тобольск к архиерею о присылке и о непоставлении во дьяконы этого школьника [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 148, л. 316, 322 об., 363].

В ноябре 1725 г. сбежал уже определенный из Уктусской школы к делам писчик В. Бирюков. Обер-бергамт тотчас же постановил: о сыске и поимке публиковать указы в подчиненные команды, а от губернских властей и архиерейского приказа требовать не определять его к делам и не поставлять в священники, ибо, «хотя и действительно попа сын, но токмо обучался при завоцкой школе и получал из завоцкой суммы жалования и быть потребен при горных делах. И впредь, дабы беглых из завоцкой школы по тому ж не производить ни в какой чин от губернии, дабы от того в правлении горных дел какой остановки не учинилось» [Там же, оп. 12, д. 193, л. 128 об.].

Семен Кобелев из словесной школы Уктусского завода был переведен в арифметическую, а в 1723 (или 1724) г. определен в доменные ученики на Екатеринбургский завод. В 1730 г. его обожгло чугуном, месяца три он лечился в госпитале. Поработав с месяц снова при домне, понял, что такая работа «не в мочь» после увечья, и бежал в Тобольск. В обер-бергамте определили: «отбыть хочет тем от государева дела», просили митрополита, как явится Кобелев, заковать его и слать в Екатеринбург. Но митрополит поставил сына попа в дьяконы в родную Багарякскую слободу [см.: Там же, оп. 1, д. 220, л. 367–370].

В связи с этим случаем Сибирский обер-бергамт в 1731 г. сделал запрос на заводы, имеются ли дети церковнослужителей у дел, когда и по какому указу они направлены, кем трудятся. Согласно наведенным справкам на четырех заводах числилось всего пять таких детей. Сын дьячка Алексей Муромцев был прислан на Верх-Исетский завод в 1726 г. уже молотовым мастером (такой фамилии в известных нам школьных ведомостях не встречалось). На Алапаевском заводе в подканцеляристах трудился сын дьячка из г. Чердыни Андрей Попов, ранее он был подьячим Каменского завода, в 1726 г. был прислан на Алапаевский завод к приходу и расходу денежной казны. Иван Кулемин, сын попа, с 1726 по 1731 г. работал шмельцером при Полевском заводе, хотя в 1723 г. параллельно с обучением геометрии в школе учился также плотинному делу; шмельцером трудился на Полевском заводе и Ф. Розмахнин, учившийся в Кунгурской арифметической [см. об этом: Там же, л. 387, 388, 390].

На деле же круг выходцев из духовного сословия, выпускников горно-заводских школ, работавших в заводском ведомстве, был гораздо шире. Только в Табели работников и мастеровых уральских казенных заводов 1726 г. названо по меньшей мере 5 детей церковнослужителей, бывших учащихся уктусских школ, а также 8 учеников школы города Кунгура.

Из кунгурских школьников Петр Веселков, переведенный в Екатеринбург в 1725 г., трудился писчиком в Екатеринбургской заводской конторе. О. Хлопин и Л. Попов – писчиками в конторе Егошихинского завода; А. Пестерев и И. Батрунов – шмельцерами, Е. Казаков – гармахером (на очистке меди при гармахерском горне); А. Свињин – гончарным учеником в лаборатории Пермского обер-бергамта, Г. Черепанов – там же пробирным учеником. Из них Пестерев сделал карьеру при заводах – вышел в горные офицеры.

Выпускник Уктусской арифметической школы Т. Попов, молодой подъячий, за неимением людей в 1726 г. был назначен исполнять обязанности среднего подъячего в конторе Екатеринбургского завода; С. Попов и Л. Кузовников при этом заводе числились учениками плавильного дела.

В феврале 1723 г. по распоряжению Татищева ученик арифметической школы Уктуса Ларион Грамотчиков был определен в ученики к делу мехов (приспособлений для подачи дутья в горны) и параллельно продолжал учиться в школе, летом окончательно перешел в ученики к мастерам Кайзерам, в мае 1725 г. он произведен в меховые подмастерья, по табели 1726 г. числился уже мастером [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 23а, л. 635; д. 64, л. 37 об.–38; оп. 12, д. 1636а, л. 27 об.].

Сын пономаря Бруснятского села Арамильского дистрикта Кондратий Грамотчиков ни в одном из известных нам списков не упоминался, но, судя по справке 1731 г., был взят в Уктусскую словесную школу в 1721 г., в 1723 г. из арифметической школы был определен в ученики к пробирному делу на Екатеринбургский завод и числился там в 1731 г. [Там же, оп. 1, д. 220, л. 389].

Василий Бирюков долго использовался как писчик при фабриках Екатеринбургского завода без жалованья, в ноябре 1725 г. он бежал. Только в январе 1727 г. В. Бирюков официально был распределен в контору Алапаевского завода, в 1730 г. числился копиистом горного повытья Сибирского обер-бергамта. Иван Широков в 1728 г. трудился подъячим в его счетном повытье, в 1732 г. был переведен в подканцеляристы [см.: Там же, оп. 12, д. 163, л. 128 об.; д. 195, л. 29; д. 201, л. 157 об.; д. 196, л. 62; д. 205, л. 355 об.].

Эти далеко не полные данные позволяют сделать вывод, что часть детей духовенства, привлеченных в горно-заводские школы Урала в 1721–1725 гг., покинула свое сословие и осталась служить при заводах. Горно-заводские власти и духовное ведомство вели между собой борьбу за детей церковнослужителей. С 1724 г. их приток в горно-заводские школы прекратился. В 1726 г. в сводных ведомостях екатеринбургских школ числилось всего четверо церковничьих детей, в 1727 – двое; в последующем они снова начали активно привлекаться в 1735–1738 гг., в период второго руководства В. Н. Татищева заводами Урала, но тогда духовное ведомство сумело отстоять их от распределения к заводским делам и вернуло в лоно церкви.

Василий Никитич Татищев: Записки. Письма 1717–1750 гг. М., 1990. С. 68

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1, 12; Ф. 29. Оп. 1; Ф. 38. Оп. 1

Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995.

Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия. М., 1944.

ПСЗ. Т. 4–6. СПб., 1830

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1.

Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Вып. 1. Пермь, 1882.

Е. М. Главацкая

«...И СИБИРСКОМУ ГОСУДАРСТВУ КАКОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ НЕ УЧИНИТЬ...»

(Власть и миссионерство в Северо-Западной Сибири в XVII–XIX вв.)

Понятие свободы вероисповедания часто ассоциируется с утверждением основных завоеваний демократии в новейшее время. Сам процесс выработки этой идеи и основных ее составляющих в разных странах имеет длительную и порой мучительную историю. Что касается практической реализации лозунга свободы вероисповедания, то в любом обществе возникало и продолжает возникать немало сложностей на этом пути. Одной из них является проблема признания обществом и его отдельными группами, особенно конфессионально ассоциированными, равнозначности любой религиозной традиции и, следовательно, права на ее существование и развитие. История знает много примеров, когда самая «нетрадиционная» религия, рассматриваемая современниками как экстремистская и даже деструктивная, с течением временем обретала статус вполне «традиционной» и гармонично вписывалась в религиозную мозаику страны. В Европе к таким религиям можно отнести практически любую из современных протестантских деноминаций, в России наиболее ярким примером является движение старообрядчества.

Другой проблемой на пути практической реализации идеи свободы вероисповедания порой становится сам характер мировых религий, требующих не только сохранения веры, но и активного распространения ее среди необращенных. Открытая или закамуфлированная миссионерская или прозелитская деятельность доминирующих в обществе религий, особенно ее поддержка на государственном уровне, неизбежно создавали препятствия для реализации свободы вероисповедания в полной мере.

Для России с ее многонациональным населением, придерживающимся различных религиозных традиций, вопросы религиозной политики государства, миссионерской и прозелитской деятельности Русской православной церкви